

О ШЕЛЕСТЯЩИХ ТАРАКАНАХ И ЮБИЛЕЕ МХТ ПЕРВОГО

Стать это лицо не только человека, но и социальной среды. Торжественные заседания Академии Художественных Наук и Общества Любителей Российской Словесности в день юбилея МХТ 1-го было исключительно красочно и стильно. Мы не говорим о приветственных речах П. С. Когана и П. Н. Сакулина — они говорят сами за себя. Мы имеем в виду доклады, которые не приветствовали, а по существу вскрывали такие вопросы, как: творческий путь Московского Художественного Театра, приемы его выразительности, и, наконец, характер и состав его зрителей. Самым интересным и показавшим, наиболее убедительным был доклад Н. Л. Бродского. Но все три доклада и в особенности доклад В. Г. Сахновского напомнили нам доброе старое время, когда не было еще речи о жутких классовых битвах, и одни хорошие идеалистически настроенные люди, вассомые любовью к правде и истине, парили над сумеречной землей в светлых парадных искусства.

«В Москве даже ночью всегда раздаются звуки, слышатся вздохи какой-то души», — сказал Н. Л. Бродский. Мы бы сказали проще — грохот мостовой, крик пьяного, свисток милиционера, гуд трамвая. Но эти прозаические слова, конечно, не в состоянии настроить на юбилейный лад.

Мы записали эту фразу из речи самого четкого и документального оратора. Трудно уловима по обилию экзотических слов и бурно-пламенных выражений была речь В. Г. Сахновского, и мы никак не можем понять, в кого метил оратор, когда говорил: «Есть люди, у которых мешает шелест бегущего таракана, но нормальный человек спокойно слушает...» Что касается нас, мы слушали спокойно не только «шелест тараканов»... но даже грохочущие громом и бешущие молнией метафоры цитируемого доклада. Может быть это тоже ненормально, с другой стороны. Во всяком случае, нам удалось уловить ряд интересных и метких мыслей.

Н. Д. Волков обронил: «Театр имеет одну особенность — он не может творить бури». Вот почему после революции 1905 года Художественный театр не нашел себя и ушел на год заграница. «Публика отвернулась от серьезного театра, а театр не успел еще сказать серьезного слова».

Бессспорен факт, что каждый раз на переломе общественной жизни в 1905, затем 1918 (война и наши поражения) и, наконец, в 1919 — театр терял своих обычных зрителей и переключался заграницу. Сплошечному, выработанному коллективу трудно было приспособиться к новым запросам, да и артисты в эти переломные моменты было не до театра. В 1905 — 1906 г. общественно-политическая деятельность втянула широчайшие слои населения, поглощая их досуги. Ведь посетителем МХТ, как никак, и был передовой, наиболее развитый общественно и политически слой нашего общества.

Докладчик полагает, что революционная отзывчивость театра не «Бронепоезд» началась, а тем, что Художественный театр создал сеть московских театров, в которых ставились революционные пьесы. Верно. Но речь идет не о месте МХТ в истории театров, не о исторической преемственности, а о МХТ-1 — самом, как о сплоченном художественном коллективе в целом. Четверть века тому назад В. И. Немирович-Данченко сказал: «Времена темперантов прошли. В стране пробудилось общественное движение.

Театр не имеет права замыкаться в служебной чистоте искусства». Не в этой забытой фразе дело. Она может спокойно спать в архиве, откуда ее вывел Н. Д. Волков. МХТ всей своей деятельностью ярко на деле показывал свою непрерывную связь с общественностью: да это же был в России, а может быть и вообще в Европе, первый подлинно-классовый театр, с четкой социальной физиономией. Его посещал определенный зритель — демократическая интеллигенция, оппозиционно-настроенная «мелкая буржуазия», а не «ординарная серая толпа, составлявшая большинство в жизни», искавшая отдыха после труда или после бедствия ради художественных эмоций — сам «интеллигентный блондин» по ироническому выражению одного из бульварных газетчиков, выуженному Н. Л. Бродским из забытой прессы.

Прав В. Г. Сахновский, когда говорил, что Художественный театр всех своих актеров облек в одну форму, ибо искал за всякой пьесой, которую ставил на сцене, свое лицо, и находил его в живых звуках и красках, в родной обстановке своего времени. Театр «прислушивался к живой жизни», искал внутреннего образа новой России». Вот почему, ставился ли «Царь Федор» Алексея Толстого, «Три сестры» Чехова, «Власть тьмы» Толстого, «Доктор Штокман» Ибсена, или «Синяя птица» Метерлинка — за всеми этими пьесами сквозило единое лицо или, как выразился Сахновский, все они были замкнуты в объединявшем их кольце.

Но если художник с «обаятельной сдержанностью», с «внутренним тактом», «улавливал бы ритм страны», только в порохах ветра, шесте ржи и мороснем дождей, то конечно, он не создал бы Художественного театра. Одного противопоставления зефирных ветерков в барской усадьбе прошлого грохочущему автобусу или автомобилу сегодняшней Москвы недостаточно, чтобы дать лицо. В том-то и дело, что шелестом ржи и камейкой в клетке улавливался образ нашей массовой интеллигенции, тех верхушек, «образованных классов», по выражению Добролюбова, которые претендовали на место в истории общественной и политической жизни своей страны. Это наша либеральная, оппозиционная демократия. Вот почему Художественный театр — прав т. Сахновский, — не был никогда при-

дворным», а «был всегда дерзким». Он не мог быть иным, иначе потерял бы своего зрителя.

И понятно, великая революция, которая смела с политической и общественной сцен этого зрителя, не могла быть свободно и сразу принята МХТом 1. Никто не приветствует топор, рубящий сук, на котором сидишь. И понятно, почему никто и не думал от театра требовать не жертва — дело не в них, — а чудесного, внезапного перерождения. Знаю, что истинный художник не может жить в отрыве от широких масс, тянущихся к искусству. И широкие массы пойдут к нему, если художник сам только заочет быть им нужным, подойдет к ним. Подойти к новому зрителю — дело трудное, требующее времени и огромной работы над самим собой и над материалом, который дает жизнь и сцена.

Не спрашивая же такой тонкий, широко-образованный человек, как Брисов, хватил с плеча обшум по толпе в своем отзыве о Художественном театре в момент его возникновения: «искусство это условность, в Художественном театре условности нет, значит, это не искусство». Теперь это звучит дико, а тогда? Недаром же другой тогдашний критик саркастически замечал, что играть жизнь на сцене — мещанство, а другие остряли по поводу театра настроенный:

Настроичиками действительно вы стали, Но музыкантами нам не бывать.

К счастью, люди редко краснеют за прошлые ошибки. Грубее ошибиться было трудно. Но уже и в те времена, несмотря на улюкляния невежественных боропосцев и образованнейших рутинеров или закостеневших схематиков, — потрясающая сила захвата МХТ 1 дала себя знать и нашла свое определение в яркой и сочной фразе: «Если бы даже на спину мне усеялся слон из Зоологического сада, я его не почувствовал бы».

Театр МХТ 1 возник в эпоху пробуждения широких либеральных прослоек нашего служилого люда, земцев и даже купечества. Мы видим теперь в этом театре нотки разочарования, скепсиса, мировой скорби, уныния и безнадёжности, которые сквозят призвуки времени как будто бы стали ярче, и которых современники или не замечали, или переживали не так, как мы теперь. И они не мешали, а, наоборот, подталкивали их на протест против насилия и неправды жизни. Не надо забывать, что ныне погрузившиеся в забвение социально-разговорные мистики, тогда в бунте своем даже против самой природы, а не только против правительства, — искали прорыва из этого плохого мира в хороший, потусторонний мир, и считали себя левее и шире большевиков, которые суживали свою задачу лишь прорывом сквозь штыки самодержавия к захвату власти.

Класс, обреченный историей, мог не замечать своей обреченности. Наоборот, в ее признаках он находил упор для своих устремлений. Пусть «Три сестры» звали к протесту и борьбе, но сами они, выне чашные тени прошлого, для нас всегда были только воющими, неустрашенными и безнадежно обреченными существами. Пусть Сатин и Лука будили протест против социальной несправедливости и неурядицы, но они-то люди да и никогда им отсюда не подыгали. Пусть доктор Штокман вызывал гром аплодисментов когда говорил, что идя на собрание, не следует надевать новую пару, но для нас он только неуныный, ограниченный индивидуалист, очень похожий на щедриковского карая-идеалиста, который думал срезать шкуру вопросом: «А знаешь ли ты, что такое справедливость?». Шкура была действительно поражена. И, разинув рот от изумления, нелегко для самой себя проглотила карая.

«Писатели и артисты—МХТ»

2 ноября в В. зале Консерватории состоялся вечер «Писатели и артисты МХТ». Вечеру предшествовало вступительное слово Н. Д. Волкова, в сжатой форме обрисовавшего общую картину истории Художественного театра и остановившегося на значении театра, положившего начало своеобразному направлению в искусстве театра. Затем начались выступления писателей и артистов.

Большинство из них декламировало и мело трогательно-сентиментальные вещи — специально для юбиларов.

Осталось в памяти выступление Ивана Приблудного, прочитавшего крепко-написанную «Россию». Несмотря на хороший голос, Нозловский казался смешным в исполняемых им сентиментальных номерах. На бис был исполнен «Средь шумного бала!» Шумные аллодисменты, как нельзя лучше свидетельствовали о том, что публика была действительно спедифическая МХТ-о-юбиларная.

В дальнейшей программе выступили: П. Романов, Абрамова, Гельцер, Мессерер, Пашенная, Гоголева, Яблочникова, балет ГОТОВ-а и др.

В общем надо признать вечер, посвященный юбиларам — пустым и бессодержательным. Вина в этом, лежит, конечно, на устроителях концерта, не позаботившихся о том, чтобы организовать и объединить программу единой, хотя бы, на худой конец, и юбилейной мыслью. Помимо того, никто не стал нужным сказать несколько слов о болезни К. С. Станиславского, а также о причине отсутствия Качалова.

Вечер закончился показом фильма, смонтированного из отдельных кусочков всех фильмов с участием юбиларов.

Р.

«ПИСАТЕЛЬ—МХТ»

Ты в'ехал в нашу жизнь
Уже по пояс.
Приветствую тебя отныне и во век
Усевшимся на «Бронепоезд»,
Я опасюсь лишь за пеший «Бег».

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ,
(«Современный Театр»).

А. ЖАРОВУ

О, ЭМ-ХА-ТЕ — ты не избег удара,
Хотя твой юбилей прошел отлично:
Тебя в стихах решил поздравить

ЖАРОВ,
Безграмотно, но . . . «идеологично».

Т. АСТРОВА